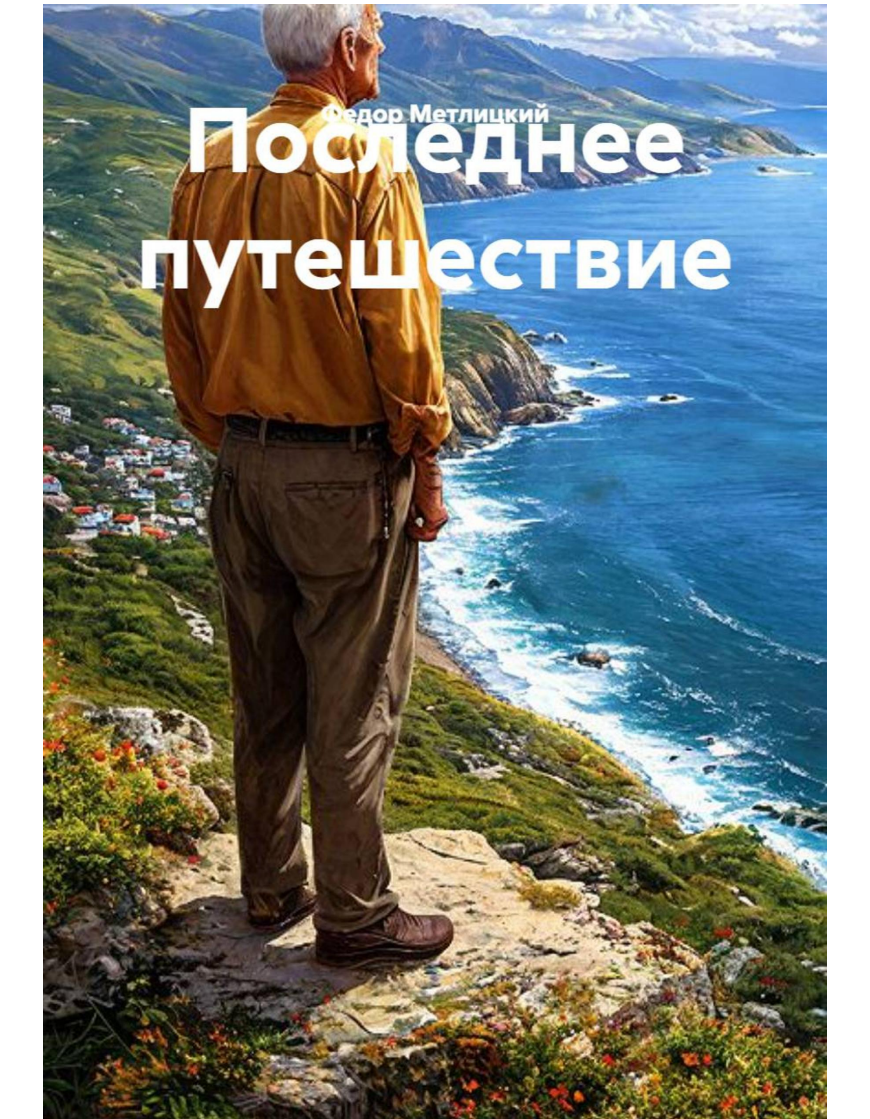

A man with white hair, wearing a yellow long-sleeved shirt and khaki pants, stands on a rocky cliff. He is looking out over a coastal town with red-roofed houses, a blue ocean with white waves, and distant mountains under a cloudy sky. The scene is vibrant and scenic.

Последнее путешествие

Федор Метлицкий

Федор Метлицкий

Последнее путешествие

<https://litres.ru/74157674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пенсионер, вступивший в «возраст дожития», переживший всех родных и друзей, одинокий, отправляется на родину, где не был с детства, чтобы увидеть ее в последний раз.

В самолете он вспоминает молодость, всю свою жизнь. Что это было? За что хватался в этом мире, чтобы найти удовлетворение, и что ему дал этот мир, случайно оборачивающий к нему участливое лицо?

Он видит себя на высоком утесе, где стоял в детстве, а под ним, или над ним, простирается океан, - нечто сияющее, полное бесконечных смыслов. Перед ним проплывает вся история человечества.

И вдруг осознает, что нет прошлого, настоящего и будущего, а есть единое время-пространство, переживаемое сейчас.

Содержание

Глава	4
1	5
2	10
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Федор Метлицкий

Последнее путешествие

Глава

«Срок на земле сто лет... Почему природа остановилась на этом числе, а не на другом, хотя их бесчисленное множество...».
Б. Паскаль

1

Он ощутил тяжесть взлета, заложило уши, все тело сжимается в сиденье, и лишь бедным ногам хорошо – ходить, передвигая ими, было тяжело, как приземлившемуся космонавту.

Невидимые пассажиры спрятаны за высокими заборами спинок кресел, и он не знает, что они переживают. Это в основном разношерстный командировочный люд – едут на смежные предприятия, в геологические экспедиции, и просто так, в поисках новых мест, или на родину.

В брюхе самолета зудит. Дима на миг падал в невесомость, словно в яму. Ему казалось, что он постоянно чувствовал хрупкость своего существования. Насколько хрупка жизнь, хрупко все человечество! Но что нас держит? Какая конструкция, какой керосин?

К нему возвращалось идиотское состояние новизны, надежды навсегда. Да, я одинок, теперь уже без жены, что окутывала меня своей тревогой. Но что это за удивительная аура, держащая меня в новом состоянии?

Всю жизнь он прожил в иллюзиях, только они воскрешали его душу. Это как дыхание. Когда выдыхаешь, полностью, то все равно нет сомнения, что снова наберешь полную грудь

воздуха.

Но разве не иллюзии бессмертия, полета в колокольные выси судьбы составляют полнокровную жизнь всех людей? Без них оставалось бы только ожидать смерти.

Наши представления обо всей истории – некая аура легенд и мифов вокруг истлевшего. Примерно, как в стихотворении поэта прошлого В. Брюсова:

*Великое вблизи неуловимо,
Лишь издали торжественно оно.
Мы все проходим пред великим мимо,
И видим лишь случайное зерно.*

Оставшаяся косточка от грязного отшельника, которого называли святым, упрятана в драгоценную шкатулку и стала сакральной. Особенно поражает, как делают легендами так называемых великих людей, принесших столько бед и потрясений, которые повлияли на столетия. Египетские фараоны, в своем узком кругу кровосмешения, при жизни были обожествлены. Но в то же время археология открыла нам черепки с рисунками, обнажившими такие прекрасные порывы древнего духа, что возникают мысли о бессмертии. Юлий Цезарь был жестоким завоевателем и узурпатором власти, за что и погиб от таких же, как он. Но он вошел в плоть истории, даже в календарь. Наполеон в своей прославленной треуголке волшебным образом отмыт от его злоупотреблений легендой о

величии кумира, потрясшего эпоху.

Это такие же интриганы и отчаянные люди, что и сейчас наполняют наше тревожное время, потерявшее идеалы. И они тоже останутся в веках, что-то прибавят необходимое и поучительное к будущему течению жизни. Забудутся все горести, что они причинили, и тоже станут окрыляющей легендой. Без мифов человечество не может продолжать жизнь.

Рядом утонула в кресле молодая женщина, тоже забаррикадировалась внутри себя.

Дима искоса глянул на девушку. В ее широко открытых глазах увидел бесконечную печаль о чем-то невозможном, и весь негатив женской доли. И в нем на миг воскресли молодые надежды, волнующая недостижимость. Тянулся к ней не он, а его беспокойная мужская природа, остающаяся внутри стареющего тела.

Вспомнил свою немощь с женой, и снова заныло – до сих пор ее ревновал, вспоминая молодой, и воображая, что она могла быть с другим. Тело ее влечет до сих пор. Последнее время у него ничего не получалось. Что теперь с тобой делать? Мы уже не можем наслаждаться друг другом. Ты была женой, любовницей, а теперь кто – друг? Не могу понять твоего статуса. Тебе уже не хочется, чтобы обнимали, а я не могу не обнимать.

Он видел ее той, что была всегда – молодой, энергичной, капризной, с характером мамы, хотя замечал морщинки на лице.

- Кто о чем, а вшивый о бане, - ворчала она, отбиваясь.
- Ты для меня всегда прежняя.
- Тебе, Дима, хочется от меня только одного, а я уже старая.

Его все звали просто Димой, несмотря на морщины и седину, словно это кличка, неизвестно почему. Может быть, чувствовали в нем невинного располагающего к себе пацана, с лицом, которое всегда будет моложавым.

Последнее время они жили в этом недоумении. Сидя с ней на кухне, он спрашивал:

- Что же дальше?

У них давно умер ребенок, но они никогда не говорили о нем, каждый хранил трагедию в себе.

Она перестала корить, что он не хочет ничего делать, даже в магазин сходить за продуктами. Стала прислушиваться к нему, ходила в магазины сама, приходя усталая с навьюченными продуктами, не давая ему нести сумки.

Странно, что между старыми и молодыми – стена. Еще недавно он был не прочь броситься в толпу танцующей молодежи в ночном баре, но чувствовал невидимую преграду, - на него, седого, смотрели бы странно, может быть, с отвращением. Хотя есть другие связи между старыми и молоды-

ми, например между родителями и детьми, любимыми бабушками и внуками.

В авторитарных странах всегда делают упор на молодость. Бессмертие в самом воздухе социальной жизни. Диме это уже не нужно – это для вечно молодого поколения. Только иногда упоминают о стариках, о их счастливом «времени дожития». В телевизоре глупейшие развлечения, междусобойчики возрастных знаменитостей с ласковым выворачиванием их изподнего. Стариков, как раньше после войны безногих инвалидов, выселяют на окраину сознания, чтобы не портили образ эпохи.

Но разве в ощущении бессмертия молодости нет тупости? То есть неведения всей полноты существования, от рождения до смерти? Но конечное знание, истина никому не нужны.

Только надсадно зудело где-то внутри летящего самолета, возвращая к немощному телу.

Дима вспоминал себя в изолированной от мира стране на востоке, закрытой от времен и пространств. Это не был замкнутый мир древних, не видящий ничего за пределами своей телеги. Это был искусственный мир, насильно отгороженный властью от вражеского окружения.

Там отец, одичавший от однообразия, формировал совершенные личности двух своих сыновей, - прижимая головы между своих колен хлестал офицерским ремнем по их вертящимся задкам. Видимо, бессознательно следовал тысячелетнему домострою. Мать, также в тысячелетней покорности, молча жалела их, стоя в сторонке. Младшего брата отец порол чаще, потому что тот не хотел учиться, и стоически выносил порку, оставаясь таким же забиякой. А Диму не надо было понукать – он проглатывал библиотеку отца до помрачения в мозгу, и старался избегать ремня, казалось, навсегда в страхе перед окружающим миром.

Наконец, в юности ему удалось вырваться из замкнутого мира, - уехал в столицу и поступил в институт. Вступил в отчаянную бездомную молодость, которую тогда выражал в стихах.

*Я транзитник — я так устал
от провинций гнетущих
Ясных идей, что нахватался навек,
Боли утрат, что не заменят щедеушное
Племя, и не зажжёт спасительный свет.
Здравствуй, гулкий вокзал, —
откуда здесь запахи угля,
С детства бездомного мне открывавшие мир?
Как очистилось сердце в гуле иного посула,
Точно рождается новое между людьми.*

В институте Дима случайно женился на студентке. Она не любила его, потому что любила другого, который ее бросил. И они, ссорясь из-за подозрений в его неверности от обиды на нее, и нежелания целиком разделить с ней заботы в доме, нищенствовали вдвоем до конца учебы, пока он не устроился в министерство референтом. Работа была скучная, в авторитарном государстве не поощрялось никакой свободной инициативы. По утрам приходил на работу, садился за выделенный ему столик и составлял методики. Чиновники рядом тоже молча утыкались в папки «дел». Он попал в одно из рутинных устройств организации государства – вертикальную подчиненность Единой воле, похоже, надолго. Нет, это была уже не власть, ломающая через колено, а власть законов, установленных волей народа парламентом (правда, скорее их протаскивала Единая воля). Законы выполнялись формально и беспощадно, дробя кости нарушителей - до конца, тю-

телька в тютельку с установленными параграфами, не признавая щадящих допусков, в которых находится вся жизнь и смерть человека. То есть, наказывали за проступок по букве закона, а не по духу (особенно протестующих, а не патриотов), не учитывая оправдывающих причин, объявляли зарубежными агентами, штрафовали их, с нищенскими доходами, на такую же сумму, как и олигархов, или сажали на непомерно большие сроки.

У Димы не было возможности что-то сделать самому, просто все тут было не его - за него решало правительство, вышестоящие чиновники, на которых все, кому не лень, легонько сваливали с плеч свою ношу. Мол, в политике, и во всем *они* знают *как*.

Может быть, его серая часть жизни находилась в блаженном существовании, где не к чему рыпаться, всегда есть возможности размножения и сытости.

Он все ожидал чего-то, иногда взрывался нетерпением, пока его не уволили, ибо на его место метил сын мелкого начальника. Он выпал из чиновничьего мира в опасный капиталистический мир одинокого волка, могущего погибнуть, не добыв пропитания.

На воле, оторвавшись от пуповины общей казенной связи, вместе с приятелями Дима искал возможность раскрыть энергию безграничной свободы.

До чего же неистребима юношеская романтика! Дима с соратниками не хотел пробиваться в лоб, жертвенно набрасываясь на вековые амбразуры стабилизации, а хотел очищать людей нравственно. Это мог быть гражданский союз. И он стал создавать такой союз. Как-то незаметно появились те, к кому у него было в прошлом и настоящем что-то теплое внутри.

Чтобы выжить в нехалявном конкурентном мире обмена товаров и услуг, нужно было играть по его правилам. Не обладая предпринимательской жилкой, Дима вместе с приятелями строил сеть организаций при Гражданском союзе, обещающих честные услуги, в результате чего предпринимательство в стране станет высоконравственным.

Сказано – сделано. Они уже сидели в маленькой арендованной комнатке и дегустировали водку из образцов, присланных для определения чистоты продукта, и предавались радужным перспективам завоевания на рынке нравственных

высот.

Надегустированный Коля Караваев, создатель международного консорциума по экологически чистым удобрениям, восклицал.

- Очервивим страну!

Павел Домашнев, организатор сети продвижения чистых товаров, уверенно ворочал языком:

- Покроем ее же ячейками высоконравственного творчества! Тихой сапой!

Философ Нелепин, давно прилепившийся к ним представитель Института философии и экономики, опрокинув стакан халявной водки, призывал окинуть широким взглядом все эпохи, чтобы понять, куда идет мир.

Они были учредителями Гражданского союза, руководителем которого был избран Дима.

Правда, деятельность сети организаций этих выдающихся деятелей пока заключалась в выработке программ и в воображении ярких перспектив.

Сразу определились направления – непримиримое противостояние смирившимся в благополучном застое, или встраивание в чуждую систему с целью – тихой сапой – ее оздоровления и совершенствования.

Политолог Игорь горячился:

- Нельзя подлаживаться под систему! Вы только совершенствуете насилие.

- Маргиналы, не имеющие ресурса! – горделиво парировал экономист Коля Караваев. - Идеи свержения старого порядка были чреваты кризисом. Не дай бог снова пережить девяностые!

Технаръ Паша Домашнев был вечным оптимистом.

- Надо жить тем, что есть. Все не так плохо. Многие приятели встроились в систему, и ничего, живут.

Прошло время, когда Коля и Паша увлекались идеями переустройства жизни, намагниченные в основном иностранными агентами - известными литераторами и критиканами-оппозиционерами. Они вздрагивали, вспоминая голод и разруху во времена перестройки.

Дима был согласен. Все, кто создает, руководит созданием, - профессионалы. И даже те вожди, кто создает разрушающую, - своего рода профессионалы. Только одни ожесточаются от ленивого и непослушного «быдла», ведут к тирании, а другие – преодолевают себя, видя несовершенство мира, и ведут его к гуманизации. А гуманитарии в своих кабинетах, считал он, в основном не нюхали подлинной истины.

Соратник Игорь, политолог, возмущался:

- Коллаборационисты! Предатели идеалов! Панегиристы татарских нравов, что вы делаете! Взгляните себе под ноги – вы стоите на краю бездны!

А что делать? Все революции вели только к худшему – вместо старых хищников приходили новые, еще более жуткие. Так было в прошлом, есть в настоящем и, наверно, будет.

дет. Надо было как-то жить, и бороться. Это было не непротавление злу насилием, а хитрое подлезание под давящее брюхо, облагораживая почву под ним. Как и завещал моралист прошедшей эпохи Лев Толстой, сейчас очищенный от лжи нападок за непротавленчество.

Философ Нелепин принял еще стакан халявной водки, теперь смотрел на приятелей отчужденно, откуда-то из своих мистических высот.

Он жил, пренебрегая телом. Для него настоящим удовлетворением жизнью были озарения мысли. Когда сидел за письменным столом или лежал на диване, размышляя о самом насущном, и вдруг возникало откровение, неважно по большому или малому поводу, его пронизывало неопишваемое счастье.

Сейчас его занимала загадка времени.

- Ваше сознание озабочено только настоящим, потому что связано с нуждами тела, не способно охватывать все время на одновременно. Вы живете в узком настоящем времени, не подозревая, что в истории понятие времени и пространства постоянно изменялось, и оно гораздо сложнее, чем мы думаем. Древние доколумбовой Америки знали такие тонкости, что не приходят в голову мыслителям в наше застойное время. Все новое – хорошо забытое старое. Инки поклонялись Пача Маме (Земле Матери). Для их мудрецов в набедренных повязках, прикрывающих лишь чресла и ягодицы, время представлялось совмещенным с пространством,

или, на языке кечуа «*pacha*», что означает время и пространство (длина, ширина и глубина) одновременно, то есть в одном слове отображены значения сразу четырёх измерений и представления о статике и динамике. Четвертое измерение – продолжительность существования. Время показывается конкретно и проецируется на географическое пространство.

- Ну, ну, - заинтересованно придвинулся к нему Дима.

- Время «*pacha*» сложно. Делится на настоящее в виде центральной линии — *каи-пача*, прошлое – линия *ханан-пача*, будущее – линия *укчу-пача*, и прошлое-будущее — линия *ньявпа-пача*. Близкими к термину *ньявпа* являются *урин* — давнее и невидимая зона, и *ханан* — недавнее и видимая зона. Происхождение/начало мира называлось — *паккарик пача*.

- Не грузи, - отмахнулся простоватый Паша Домашнев. Игорь фыркнул.

- Какое отношение это имеет к науке?

- И вообще к нам? – добавил Коля Караваев.

- Подождите, это еще не все. Поперек этих линий, пересекаясь со всеми, идет линия, обозначающая «сейчас». Эта линия передвигается от рождения до смерти, оставаясь поперечной всем трем *пача*. Это значит - любое событие в жизни происходит *одновременно* во всех временах, и прошлое, настоящее и будущее непосредственно в пространстве контактируют между собой и взаимовлияют друг на друга в лю-

бой единый общий момент времени.

- Это что-то от теории относительности Эйнштейна? – посмеивался Игорь.

- Инки задумывались о времени-пространстве задолго до Эйнштейна, который, кстати, тоже считал время иллюзией. "Для нас, убежденных физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим не более чем иллюзия". Он, как вы знаете, заменил время искривленным пространством-временем. Инки тоже так представляли. Такое коротенькое словечко означает пространство-время инков, но также означает мир, Вселенную в образе человека. Для них это была не гипотеза, а истина. Понять это труднее чем теорию относительности.

Нелепин вдохновенно добавил:

- Причем горизонт в условиях гористой местности есть не только горизонтальная линия, но и вертикальная и любые другие, и есть предполагаемая за горизонтом земля, не видимая наблюдателем. Пространственно север у инков находился внизу, а юг - вверх. А индейцы племени аймара, покоренные инками, представляют время наоборот: в воображаемой пространственно-временной шкале будущее для них остаётся позади, а прошлое ещё только предстоит увидеть.

Усмехающийся Игорь предложил выпить, чтобы ощутить вывернутые мозги инков.

- Подождите, сейчас поймете, - не спешил Нелепин. - В нашем трехмерном пространстве мир – набор сочетаний

элементарных частиц сферической формы, взаимодействующих с помощью энергий (гравитационной, слабой, электромагнитной и сильной). Частицы обмениваются энергиями, образуя связи, создают молекулы, вещество. В 4-мерном мире ничего такого нет. Пача инков в каком-то смысле аналогична теории струн, в которой кирпичиками выступают не частицы, а ультрамикроскопические квантовые струны, которые совершают колебания. Колебания – это энергия. Конечно, инки не понимали энергию, кроме пугающих молний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.